

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 189–195. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 29, № 1, pp. 189–195. ISSN 1998-0817

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 340.12

EDN ZWQYRJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ XVIII–XIX ВВ.

Силантьева Виктория Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, misvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-1062>

Аннотация. К фундаментальным основам человеческой культуры следует отнести похоронно-поминальную обрядность, в которой отражается жизненный цикл этноса. При чрезвычайных ситуациях происходят изменения привычного образа жизни людей и концентрация общественного внимания на ритуальной сфере. Такой ситуацией можно считать эпидемии, отличающиеся масштабом смертности. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов XVIII–XIX вв. исследуется влияние эпидемий на погребальный процесс в России. По мнению автора, на первых этапах развития эпидемических болезней старались придерживаться традиционных правил погребения усопших. Однако с увеличением числа умерших государство ввело ограничения, которые касались и погребального процесса. В работе рассмотрены этапы погребального процесса и его особенности в период эпидемий XVIII–XIX вв.: упрощение подготовки и транспортировки тела к месту захоронения, изменение сроков, времени и места погребения, формальное выполнение обрядовых практик. Особое внимание уделено реакции населения на введенные властью запреты. В статье сформулирован основной вывод о том, что после масштабных эпидемий произошла трансформация погребального процесса, получившая отражение в российском законодательстве XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: эпидемия, чума, холера, правовое регулирование, погребальный обряд, похороны, кладбище.

Для цитирования: Силантьева В.А. Нормативно-правовое регулирование погребального процесса в России в период эпидемий XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 189–195. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

Research Article

LEGAL REGULATION OF THE FUNERAL PROCESS IN RUSSIA DURING THE 18TH–19TH CENTURIES EPIDEMICS

Viktoriya A. Silantyeva, Candidate of Historical Sciences, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia, misvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-1062>

Abstract. The fundamental foundations of human culture should include funeral and memorial rites, which reflect the life cycle of an ethnic group. In emergency situations, there are changes in the habitual image of people and the concentration of public attention on the ritual sphere. Epidemics that differ in the scale of mortality can be considered to be such situations. The article examines the influence of epidemics on the funeral process in Russia on the basis of the analysis of the 18th–19th centuries normative legal acts. According to the author, at the first stages of the development of epidemic diseases, people tried to adhere to the traditional rules of burial of the deceased. However, with the increase in the number of deceased, the state imposed restrictions that also applied to the funeral process. The paper considers the stages of the funeral process and its features during the 18th–19th centuries epidemics – simplification of the preparation and transportation of the body to the burial site, changing the term, time and place of burial, formal performance of ritual practices. Special attention is paid to the reaction of the population to the prohibitions imposed by the authorities. The article formulates the main conclusion that after large-scale epidemics, there had been a transformation of the funeral process, which the 18th–19th centuries Russian legislation reflected.

Keywords: epidemic, plague, cholera, legal regulation, funeral rite, funeral, cemetery.

For citation: Silantyeva V.A. Legal regulation of the funeral process in Russia during the 18th–19th centuries epidemics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 189–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

Похоронно-погребальная обрядность представляет собой важную часть социокультурного процесса, являясь отражением целостной системы взглядов, связанной как с религиозными воззрениями, так и с социально-политической структурой общества. Специфика похоронно-поминальной обрядности заключается в сохранении архаических принципов, с одной стороны, и зависимости от различных процессов, с другой. Важное влияние на ритуальную сферу в истории человечества оказывают эпидемии, которые, распространяясь, уносят тысячи жизней. Ни одна война не принесла столько жертв, сколько эпидемии. Эпидемии оставляют след в общественной памяти, дают новое представление о болезни, медицине и здоровье человека в целом. Но любая эпидемия вызывает нарушение привычного образа жизни людей: соблюдение санитарно-эпидемиологических мер, ограничение свободы, неопределенность – все это влияет на коллективное здоровье. Страх смерти приводит к тому, что в зоне общественного внимания оказывается такая значимая сфера, как ритуальная, являющаяся важным компонентом традиционной культуры.

По мнению И.Е. Левченко, «погребальный процесс состоит из этапов: 1) подготовка погребения (уход за телом умершего, выбор места захоронения, определение состава участников и их ролей в похоронах; 2) транспортировка умершего (вынос тела, шествие); 3) захоронение (помещение в могилу, закрытие сооружения, установка знака, отмечающего погребение). Обрядовые практики обычно осуществляют профессионалы – священнослужители, гробовщики, могильщики и др.» [Левченко: 158].

В XVIII–XIX вв. «повальные и заразительные болезни» пугали не только масштабностью, но и низкой эффективностью лечения, непонятной природой возникновения болезни. В России эпидемии породили изменения в правилах погребального процесса: массовая смертность населения приводила к тому, что умерших от эпидемических заболеваний было запрещено хоронить по традиционным похоронным обрядам.

Нормативно-правовые акты XVIII–XIX вв. Российского государства строго регламентировали погребальный процесс во время эпидемий. Так, запрещалось не только омовение, но и прикосновение к телу умершего и его одежде. Все вещи покойного подлежали сжиганию. В Сенатском указе «О запрещении проходить и проезжать мимо учрежденных застав по запрещенным дорогам и провожать на погребение тела умерших от заразы, а тем паче прикасаться к оным»¹ от 15 октября 1771 г. запрещалось родственникам прикасаться и сопровождать усопшего от заразительной болезни на одной повозке. Нарушивших указ мужчин определяли в погребатели, а женщин –

в лазареты до тех пор, пока болезнь не прекратится. Вновь эту норму закрепили в Сенатском указе от 11 ноября 1771 г.: жителям запрещалось усопших от заразительной болезни родственников провожать, прощаться с ними, прикасаться к ним².

«Инструкция сотскому с товарищами» от 19 декабря 1774 г.³ предписывала, что если кто в зараженном доме скоропостижно умрет, то, не прикасаясь к нему голыми руками, только в рукавицах или обернув руки намоченными в уксусе или кислом квасе тряпицами, класть крючьями, наложенными на длинные шесты в той одежде, в которой умерли, зарывать в глубокие ямы и сверху высоко накидывать песок. Присутствовать при погребении могли только жители дома, в котором умер покойник. Стоять при закапывании следовало по ветру. Отпевание производилось священником на могиле после закапывания.

Запрещались похороны на обычных кладбищах. Эта традиция зародилась довольно давно: в русских землях в XIII – начале XVII в. в условиях чрезвычайных ситуаций, сопровождавшихся массовой гибелью населения, устраивали скудельницы. По мнению Р.Г. Скрынникова, новгородские скудельницы – это места, «куда в дни мора на время со всей округи собирали мертвые тела», которые «при первой возможности... отпевали и предавали земле за городом» [Скрынников: 103–104]. Первоначально скудельницы являлись наземными загородками, огороженными частоколом, а впоследствии представляли собой могильные ямы [Сорокин: 232–234].

Сенатский указ «О мерах по пресечению в Санкт-Петербурге заразительных болезней: оспы, кори, лопухи и т. п.»⁴ от 18 октября 1755 г. – определил 4 церкви Санкт-Петербурга, в которые могли ходить заболевшие и их родственники (остальные жители не имели права посещать ни под каким предлогом); умерших от повальной болезни велено было в церковь не вносить, хоронить в закрытом гробу на кладбищах при этих четырех церквях по всем христианским обычаям (богослужение вели священники и причетники только этих церквей).

Эпидемия чумы 1771–1772 гг. в России достигла невероятных размеров: в Москве вымирали целыми дворами, московские приходские и монастырские кладбища оказались переполненными новыми захоронениями. Родственников не оставалось, хоронить было некому [Борей: 25]. Сенатский указ «О предосторожностях от заразительной болезни» от 11 ноября 1771 г. обязал умерших хоронить особо, зарывать в глубокие ямы, учредив отдельные кладбища⁵. Таким образом, все кладбища в городской черте были закрыты и устроены десять новых кладбищ: около села Новое Ваганьково, Введенское (Немецкое) на Лефортовском холме, Даниловское близ Даниловой слободы, Калитниковское за Камер-Коллеж-

ским валом, Рогожское за Покровской заставой [Саладин: 104] и др.

В сенатском указе «О точном исполнении сделанных учреждений и распоряжений для пресечения язвы»⁶ от 15 ноября 1771 г. было предписано при кладбищах строить церкви, в которых отправлять по закону настоящее богослужение на поминовение душ. Первоначально были устроены деревянные храмы, имеющие статус кладбищенских. По мнению В.И. Борей (архимандрита Михаила), специфика таких храмов состояла в том, что богослужения совершались либо по необходимости отпевать усопших, либо в большие праздники, когда поминали. Собственных приходов в таких храмах не было [Борей: 25].

Для захоронения представителей благородного сословия выделили кладбища в Новодевичьем, Спасо-Андрониковом и Донском монастырях [Сироткин: 136].

Вследствие того, что умирали целыми семьями, погребальный процесс в период эпидемий осуществлялся полицией. Служащие полиции следили за исполнением запрета не переодевать покойников, занимались вывозом и захоронением умерших за пределами города. На кладбище порой вывозили на одной подводе по нескольку тел, в наскоро сколоченных ящиках или просто прикрытых ветшью и соломой [Борей: 25]. Однако число погибших продолжало стремительно расти [Палеев, Оноприенко, Молочков], поэтому уборкой трупов с улиц и дворов, а также погребениями стали заниматься «мортусы», назначенные из колодников, осужденных на поселение. На каждый съезжий двор полагалось по 6 человек (в случае необходимости количество менялось) под присмотром караула. Было велено содержать колодников не закованными в построенных при съезжих дворах избах. На их содержание отпускали карантинные суммы и кормовые по 6 коп. в день⁷. После прекращения эпидемии Сенатский указ «О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы»⁸ от 30 ноября 1772 г. оставил колодников, используемых для погребения умерших, в ведомстве Предохранительной комиссии на «всякий внезапный случай».

В начале XIX в. захоронения умерших от заразных болезней вели с повышенной защитой. «Гроб обрабатывали дезинфицирующими средствами, увеличили глубину могил до 4 аршин, а также насыпь. Особое внимание следовало уделять захоронениям мусульман и евреев, практикующих неглубокую засыпку» [Шестова: 134].

Во время эпидемии холеры 1830–1831 гг. в Санкт-Петербурге, по свидетельству генерал-майора И.Р. Ховена (1812–1881), бесконечные похороны и погребальные процессии приводили жителей в уны-

ние – они разбегались при виде верениц черных осмоленных гробов [Ховен: 198]. С целью прекращения упаднических настроений «полицией была объявлена высочайшая воля: «Умершие от холеры впредь имеют быть хоронимы не днем, а по ночам». Теперь все похороны проводились ночью, чтобы убрать с городских улиц бесконечные похоронные процессии. По свидетельству очевидцев, умерших от холеры хоронили в общих могилах во время эпидемии, что было вызвано необходимостью захоронить большое количество покойников за короткое время. Было дано разрешение продолжить захоронение на Митрофаньевском кладбище, которое позднее также продолжало использоваться как холерное» [Барабанова: 141].

Согласно исследованию Л.В. Выскочкова и А.А. Шелаевой, анализирующих воспоминания, письма, газетные заметки 1830–1831 гг., в Санкт-Петербурге в этот период можно было наблюдать как «с одиннадцати часов вечера тянулись по улицам целые обозы, нагруженные гробами, без духовенства, без молитвы... Одно из кладбищ находилось на Выборгской стороне на Куликовом поле. Там были индивидуальные и братские могилы (человек на 50)» [Выскочков, Шелаева: 283].

15 июня 1831 г. от холеры скончался в Витебске цесаревич Константин Павлович. Военный конвой, привезший его тело в Петербург, подвергся карантину. «В связи с санитарными предосторожностями тело цесаревича провезли мимо Царского Села и на три дня выставили в Петропавловском соборе среди траурного убранства. Публика не допускалась. Императорская фамилия не присутствовала на панихидах» [Выскочков, Шелаева: 275].

«Устав о карантинах»⁹ от 20 октября 1832 г. определил: умершие от заразы должны были погребаться на карантинном кладбище в ямах не менее одной сажени глубины, без гробов, или в открытых гробах, засыпаться негашеной известью (однако во время Ветлянской чумы 1878–1879 гг. представители медицинского сообщества выступали за то, чтобы отказаться от похоронного обряда и предлагали хоронить без гробов и саванов под слоем негашеной извести [Пироговская: 215], что свидетельствует о нарушении «Устава о карантинах»). Участвующие в погребении содержались в особом отделении, а впоследствии подлежали 28-дневному карантину. Посторонние люди и процессии не допускались. Умершие от чумы погребались немедленно после осмотра карантинными медиками, их нельзя было хоронить на городских или деревенских кладбищах, для этого выделялись особые места, которые обносили изгородью или глубоким рвом. Впоследствии после прекращения эпидемии на кладбищах, где были погребены умершие от чумы, никого нельзя было хоронить.

Именной указ Александра II «Об устройстве в Санкт-Петербурге на всех городских кладбищах особых барачков для помещения там на определенный срок тел умерших от холеры»¹⁰ от 24 июня 1866 г. требовал устроить на всех городских кладбищах особые бараки, с тем чтобы тела умерших от холеры во временных лечебницах и на квартирах отправляли туда немедленно после смерти и оставляли в течение определенного срока до разложения.

«Временные правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи» от 3 июня 1897 г.¹¹ устанавливали, что умершие от чумы должны были быть погребены не позже 24 часов после смерти в особо отведенных местах. Еще раз запрещалось по прекращении заразы хоронить кого бы то ни было на чумном кладбище. Закрытые чумные кладбища подлежали обеззараживанию.

Эти меры вызывали непонимание и недовольство значительной части общества, что приводило к нарушению не только правовых норм, но и религиозно-нравственных. Кроме того, с одной стороны, представители власти в любой момент могли запретить скопления людей, в том числе многолюдные похороны, а с другой – семьи зачастую не могли обеспечить умершим пристойные индивидуальные похороны. Возникал некий протест и неоднозначная реакция на государственные противоэпидемические меры. Так, В.А. Зверев отмечает, что в некоторых селениях Верхнего Приобья жители впадали в панику, «забросив свои повседневные занятия, начинали пьянствовать, буйствовать, отказывались хоронить умерших и даже делать гробы» [Зверев: 2].

Были известны случаи, когда в период эпидемии выбрасывали трупы умерших на улицу без христианского погребения, тайно зарывали в не отведенных для этого местах. Так, в именном указе окольничим Ивану и Матвею Милославским «О внесении их в Московский список за утайку в доме матери их заразной болезни»¹² было замечено, что в доме их матери Милославской и в ее деревне обнаружена болезнь с язвами, о которой не известили царский двор, а умерших же хоронили во дворах.

Подобное стало массовым во время эпидемии чумы 1771 г. В своем произведении «Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы» писатель и журналист М.И. Пыляев так описывал это событие: «народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики, или, как их тогда называли, “моргусы”, в масках и воцанных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу. Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах» [Пыляев: 8].

По свидетельству очевидца врача Иоганна Якоба Лерхе, составившего санитарные правила для москвичей, «каждый день на улицах можно было видеть больных и мертвых, которых вывозили. Многие трупы лежали на улицах: люди либо падали мертвыми, либо трупы выбрасывали из домов. У полиции не хватало ни людей, ни транспорта для вывоза больных и умерших, так что нередко трупы по 3–4 дня лежали в домах» [Гутман, Захарцев, Сальников: 44].

Чтобы это пресечь, был издан ряд нормативно-правовых актов. В 1771 г. вышел Сенатский указ «О неутайке больных и о невыбрасывании из домов мертвых тел»¹³ от 26 августа, согласно которому было запрещено москвичам утаивать заболевших, а умерших выкидывать в публичные места. Нарушителей подвергали наказанию в виде каторжных работ. Манифест от 9 сентября 1771 г. «О наказании сопротивляющихся мерам, установленным для отвращения заразительных болезней; о порядочном содержании взятых в карантин людей; о неделании им никаких притеснений, и о невынуждении от них взятки»¹⁴ предписывал строжайше наказывать виновных в подобных преступлениях. С целью предотвращения таких преступлений было установлено, что в случае скорострительной смерти кого-либо из домочадцев хозяин дома должен был доложить полиции¹⁵.

Сенатский указ «О объявлении частным смотрителям о телах, похороненных во время заразной болезни в домах и садах и сокрытии без зарытия и о награждении доносителей»¹⁶ от 27 февраля 1772 г. содержал сведения о том, что в Москве во время заразной болезни скрывали не только заболевших, но и умерших, зарывая последних во дворах и в садах весьма мелко, а иных бросали в потайных местах, что является небезопасно. Поэтому, если у кого в доме или саду похоронены умершие либо без зарытия сокрыты, следовало немедленно известить частных смотрителей. Виновные, не сообщившие о таких деяниях, подлежали наказанию по всей строгости. Донесшим о подобных преступлениях предоставляли вознаграждение в размере 20 руб.

Сложная ситуация была в местах проживания мусульманских народов. В Дагестане, по мнению С.Б. Манышева, некоторые народы выслали больных в поле подальше от селения, где те либо выздоравливали, либо умирали. Дагестанские адаты регламентировали и то, что «к погребению их общество не приступает; только ближайшим родственникам, если сами пожелают, предоставляется право хоронить их, но с тем, однако, что они в селение не могут возвратиться, пока болезнь совершенно не прекратится» [Манышев: 93].

В период эпидемии холеры 1892 г. местному населению Туркестана «запретили хоронить по мусульманскому обычаю на следующий день, были закрыты

кладбища, покойников разрешалось хоронить только на одном кладбище, находящимся за городом, на могилах проводилась дезинфекция. Предусматривался также осмотр тел умерших, а поскольку трупов было очень много, а медицинского персонала недостаточно, то осмотр откладывался, в условиях невыносимой жары трупы разлагались» [Брежнева: 148]. Коренное население прятало трупы умерших, с тем чтобы предать земле по мусульманскому обычаю. Даже в начале XX в. Бакинский губернатор писал, что «хуже всего обстоит дело с погребением умерших от холеры. По укоренившимся религиозным убеждениям мусульмане не допускают к покойнику никаких дезинфекционных средств. Попытки полицейскими и насильственными мерами добиться исполнения правил о погребении привели к тому, что мусульмане стали скрывать умерших и хоронить их тайно»¹⁷.

Таким образом, законодатель четко регулировал сферу ритуальных услуг в период распространения повальных и заразительных болезней XVIII–XIX вв., что приводило к существенной трансформации погребального процесса. Были ограничены важнейшие компоненты похоронного ритуала: омовение, облачение, прощание с покойником. Заметным изменениям подверглись сроки и время погребения. Значимым являлся и запрет хоронить на обычных городских и сельских кладбищах. С окончанием эпидемии чумы 1771–1772 гг. возникла новая тенденция: упразднение приходских кладбищ и вынесение их за пределы городской черты, дальнейшее распространение получила практика создания братских могил. Однако можно утверждать, что власть, осуществляя столь непопулярные меры, заботилась в силу своих возможностей о народном здравии.

Примечания

¹ О запрещении проходить и проезжать мимо учрежденных застав по запрещенным дорогам и провозить на погребение тела умерших от заразы, а тем паче прикасаться к оным: Сенатский указ от 15 октября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13680.

² О предосторожностях от заразительной болезни: Сенатский указ от 11 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13696.

³ Инструкция сотскому с товарищами // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19. 1774. № 14231.

⁴ О мерах по пресечению в Санкт-Петербурге заразительных болезней: оспы, кори, лопухи и т. п.: Сенатский указ от 18 октября 1755 г. // ПСЗРИ. 1755. Собр. 1. Т. 14. № 10476.

⁵ О предосторожностях от заразительной болезни: Сенатский указ от 11 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13696.

⁶ О точном исполнении сделанных учреждений и распоряжений для пресечения язвы: Сенатский

указ от 15 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13697.

⁷ О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы: Сенатский указ от 30 ноября 1772 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13641.

⁸ О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы: Сенатский указ от 30 ноября 1772 г. // ПСЗРИ. 1772. Собр. 1. Т. 19. 13913.

⁹ Устав о карантинах от 20 октября 1832 г. // ПСЗРИ. 1832. Т. 7. № 5690.

¹⁰ Об устройстве в Санкт-Петербурге на всех городских кладбищах особых барачков для помещения там на определенный срок тел умерших от холеры: Именной указ от 24 июня 1866 г. // ПСЗРИ. 1866. Собр. 2. Т. 41. № 43425.

¹¹ Временные правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи: Высочайше утверждены 3 июня 1897 г. // ПСЗРИ. 1897. Собр. 3. Т. 17. № 14267.

¹² О внесении их в Московский список за утайку в доме матери их заразительной болезни: именной указ окольничим Ивану и Матвею Милославским от 2 декабря 1655 г. // ПСЗРИ. 1655. Собр. 1. Т. 1. № 168.

¹³ О неутайке больных и о невыбрасывании из домов мертвых тел: Сенатский указ от 26 августа 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13648.

¹⁴ О наказании сопротивляющихся мерам, установленным для отвращения заразительных болезней; о порядочном содержании взятых в карантин людей; о неделании им никаких притеснений, и о невынуждении от них взятков: Манифест от 9 сентября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13653.

¹⁵ О мерах предохранения жителей от прилипчивой болезни: Объявление Главной Санкт-петербургской полиции от 10 октября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13674.

¹⁶ О объявлении частным смотрителям о телах, похороненных во время заразительной болезни в домах и садах и сокрытии без зарытия и о награждении доносителей: Сенатский указ от 27 февраля 1772 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19. 1772. № 13768.

¹⁷ Врачебный вестник. 1905. № 17. С. 23.

Список литературы

Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.

Борей В.И. (архимандрит Михаил). Упразднение Московских приходских погостов и создание первых городских кладбищ после событий 1771 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 24–26.

Брежнева С.Н. «Холерный бунт» в Ташкенте в 1892 г.: стихийный взрыв или намеренное противодействие власти // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 145–151.

Высочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // *Studia Historica Gedanensia*. 2021. Т. 12. С. 259–288.

Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Сальников М.В. Образцы поведения монархов и руководителей силовых ведомств во время эпидемий и пандемий как бесценный опыт и личный пример потомкам // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 39–60.

Зверев В.А. Санитарная культура и жизнесохранительное поведение крестьянства Верхнего Приобья (два сюжета из второй половины XIX – первой трети XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. и материалов науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 1996. Вып. 1. С. 1–8.

Левченко И.Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 158–165.

Маньшнев С.Б. Здравоохранение Дагестана (конец XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2020. 308 с.

Палеев Ф.Н., Оноприенко Г.А., Молочков А.В. Эпидемия чумы XVIII века и развитие здравоохранения в Москве // Альманах клинической медицины. 2015 (Март). № 37. С. 6–9.

Пироговская М.М. Ветлянская чума 1878–1879 гг.: санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 198–229.

Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Санкт-Петербург: Изд. А.С. Суворина, 1891. 132 с.

Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. Москва: Книжный сад, 1997. 343 с.

Сироткин А.С. Чума в Москве в 1770–1772 г. и санитарные меры правительства и московских властей // Вестник Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 17 (139). С. 130–141.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. Москва, 1994. 188 с.

Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Историческо-

го факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2015. № 2 (3). С. 230–256.

Ховен И.Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 2. С. 194–199.

Шестова Т.Ю. Эпидемии чумы в России в XVIII – первой половине XIX в. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 132–135.

References

Barabanova K.S. *Pervaja holera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivojepidemicheskie meroprijatija i ot-nosheniya k nim gorozhan* [The first cholera in St. Petersburg in 1831: anti-epidemic measures and the attitude of citizens towards them]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences], 2014, No. 12, pp. 130-144. (In Russ.)

Borej V.I. (arhimandrit Mihail). *Uprazhdenie Moskovskih prihodskih pogostov i sozdanie pervyh gorodskih kladbishh posle sobytij 1771 g.* [The abolition of Moscow parish pogosts and the creation of the first urban cemeteries after the events of 1771]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and Practice], 2017, No. 5 (79), pp. 24-26. (In Russ.)

Brezhneva S.N. *«Holernyj bunt» v Tashkente v 1892 g.: stihijnyj vzryv ili namerennoe protivodejstvie vlasti* [The «Cholera Riot» in Tashkent in 1892: Spontaneous Explosion or Intentional Counteraction to Power]. *«Vyzov» v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [«Challenge» in the Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity: materials of the International Scientific Conference]. Sankt-Peterburg, 2021, pp. 145-151. (In Russ.)

Gutman M.Ju., Zaharcev S.I., Sal'nikov M.V. *Obrazcy povedenija monarhov i rukovoditelej silovyh vedomstv vo vremja jepidemij i pandemij kak bescennyj opyt i lichnyj primer potomkam* [Patterns of behavior of monarchs and heads of law enforcement agencies during epidemics and pandemics as an invaluable experience and personal example for descendants]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2022, № 3, pp. 39-60. (In Russ.)

Hoven I.R. *Holera v Sankt-Peterburge v 1831 godu* [Cholera in St. Petersburg in 1831]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of O.E. Kutafin University], 2017, № 2, pp. 194-199. (In Russ.)

Levchenko I.E. *Pogrebal'nye praktiki (istoriko-so-ciologicalicheskij jekskurs)* [Funeral practices (historical

and sociological excursus)]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Obshhestvennye nauki* [News of the Ural State University. Series 3: Social Sciences], 2009, № 4 (70), pp. 158-165. (In Russ.)

Manyshev S.B. *Zdravoohranenie Dagestana (konec XVIII – pervaja polovina XIX v.): diss. ... kand. istor. nauk* [Health care of Dagestan (late 18th - first half of the 19th century)]. DSc thesis. Moscow, 2020, 308 p. (In Russ.)

Paleev F.N., Onoprienko G.A., Molochkov A.V. *Jepidemiya chumy XVIII veka i razvitie zdravooohranenija v Moskve* [Plague epidemic of the 18th century and the development of health care in Moscow]. *Al'manah klinicheskoj mediciny* [Almanac of Clinical Medicine], 2015, March, No. 37, pp. 6-9. (In Russ.)

Pirogovskaja M.M. *Vetljanskaja chuma 1878–1879 gg.: sanitarnyj diskurs, sanitarnye praktiki i (re) formirovanie chuvstvitel'nosti* [Vetlyanskaya plague of 1878–1879: sanitary discourse, sanitary practices and (re) formation of sensitivity]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2012, № 17, pp. 198-229. (In Russ.)

Pyljaev M.I. *Staraja Moskva: Rasskazy iz byloj zhizni pervoprestol'noj stolicy* [Old Moscow: Stories from the past life of the capital]. Sankt-Peterburg, 1891, A.S. Suvorin Publ., 132 p. (In Russ.)

Saladin A. T. *Ocherki istorii moskovskih kladbishh* [Essays on the history of Moscow cemeteries]. Moscow, Knizhnyj sad Publ., 1997, 343 p. (In Russ.)

Sirotkin A.S. *Chuma v Moskve v 1770-1772 gg. i sanitarnye mery pravitel'stva i moskovskih vlastej* [Plague in Moscow in 1770-1772 and sanitary measures of the government and Moscow authorities]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], 2014, № 17 (139), pp. 130-141. (In Russ.)

Shestova T.Ju. *Jepidemii chumy v Rossii v XVIII - pervoj polovine XIX v.* [Plague epidemics in Russia in the 18th - first half of the 19th centuries], «Vyzov» v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. [«Challenge» in the

Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity: materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 2021, pp. 132-135. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. *Tragedija Novgoroda* [The tragedy of Novgorod]. Moscow, 1994, 188 p. (In Russ.)

Sorokin A.N. *Skudel'nicy drevnego Novgoroda (k voprosu ob osobennostjakh drevnerusskogo pogrebal'nogo obrjada v chrezvychajnyh situacijah)* [Mass graves of ancient Novgorod (to the question of the features of the ancient Russian funeral rite in emergency situations)]. *Istoricheskie issledovanija. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [Historical research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. 2015, № 2 (3), pp. 230-256. (In Russ.)

Vyskochkov L.V., Shelaeva A.A. *Holernaja pandemija 1830-1831 gg. v Rossijskoj imperii po vospominanijam i pis'mam, gazetnym zametkam, tekstam administrativnyh ukazov i drugim lichnym i oficial'nym istochnikam* [Cholera pandemic of 1830-1831 in the Russian Empire according to memoirs and letters, newspaper notes, texts of administrative decrees and other personal and official sources]. *Studia Historica Gedanensia*, 2021, vol. 12, pp. 259-288. (In Russ.)

Zverev V.A. *Sanitarnaja kul'tura i zhiznesohranitel'noe povedenie krest'janstva Verhnego Priob'ja (dva sjuzheta iz vtoroj poloviny XIX – pervoj treti XX v.)* [Sanitary culture and life-saving behavior of the peasantry of the Upper Ob region (two plots from the second half of the 19th - the first third of the 20 th century)]. *Berdsck: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: sbornik statej i materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Berdsck: Past, Present, Future: Collection of Articles and Materials of the Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, NGPU Publ., 1996, iss. 1, pp. 1-8. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 08.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 08.02.2023.